

АКАДЕМИК ИГОРЬ КОРОПАЧИНСКИЙ: «ДЕЛО МОЕЙ ЖИЗНИ – ДЕНДРОЛОГИЯ»

Интервью к 70-летию со дня рождения

— Игорь Юрьевич, первый раз мы с вами встретились лет пятнадцать назад в Красноярске, когда я приезжала по заданию “Науки в Сибири” в КНЦ в командировку. Вы были из тех, кто приехал осваивать Сибирь, или это ваш город?

— Это мой город. Работать по лесной тематике я начал сразу после окончания в 1951 году Лесотехнического института. Родился и учился я в Красноярске. Сразу после школы работал на заводе, куда пришел в июне 1942 года. У меня уже пятьдесят шесть лет трудового стажа. Первая моя специальность — токарь по металлу. Но, оказывается, даже не зная об этом, я уже имел в те годы отношение к Академии наук. Наш завод по сути был заводом-лабораторией, выпускавшим опытные образцы оборонной техники в единственном экземпляре — передовые разработки ученых. Одним из государственных заказов — об этом я узнал позже - было приспособление для размагничивания кораблей, чтобы защитить их от магнитных мин. А автором-разработчиком приспособления был Анатолий Петрович Александров — будущий президент АН СССР.

— Но вы все-таки не выбрали себе “железную” профессию. Откуда же взялся интерес к природе?

— С детства, наверно, отец увлекался охотой, рыбной ловлей. У нас дома стояли аквариумы, мы держали птиц... целый зоопарк был... И вот во время войны я так надыхался тем самым железом, что хотелось быть поближе к природе. Но поскольку на завод я пришел после шести классов, то восьмилетку заканчивал в школе рабочей молодежи и после школы поступил в машиностроительный техникум. Но мне хотелось учиться в вузе, и вот для того, чтобы это удалось, пришлось за год сдать экстернатом экзамены за 9-й класс и на аттестат зрелости, экзамены в техникуме и приемные в институт. Это был именно лесотехнический вуз. Закончил я лесохозяйственный факультет и остался на кафедре. Меня взял в аспирантуру профессор Шмидт.

Но он был тяжело болен и вскоре умер. Мне предложили попробовать читать лекции вместо него... В 1956 году я защитил кандидатскую диссертацию и в 28 лет уже заведовал кафедрой.

— **Вас увлекала педагогическая деятельность?**

— Мне все время хотелось заниматься научными исследованиями, но в вузе это не получалось. И тут выяснилось, что в Сибирь переводят Институт леса АН СССР. Искали здание для него сначала в Новосибирске - целая история была... А наш секретарь крайкома очень хотел, чтобы институт Академии наук был в Красноярске, и принял решение передать здание института повышения квалификации работников лесной промышленности. Это было красивое здание с колоннами. Мы его сфотографировали, внизу подписали: "Институт леса Академии наук СССР." Анатолий Борисович Жуков, который позже стал первым директором, был, конечно, очень удивлен таким быстрым решением красноярского руководства... Так вот институт и переехал в Красноярск. Я еще какое-то время преподавал, но потом меня уговорил перейти в Институт леса профессор Правдин, уезжавший в Москву. Хотя все-таки это было не совсем то для меня. Я мечтал заниматься интродукцией растений, введением их в культуру. И вот как-то я приехал в Новосибирск, зашел в Ботанический сад, где тогда была директором Кира Аркадьевна Соболевская, поговорили по душам, и она мне говорит: "Переезжайте". Я и переехал — в 1962 году.

— **Но позвольте, мы с вами общались в восемьдесят каком-то в вашей лаборатории в Красноярске...**

— Э-э, жизнь заставляла меня такие пируэты делать... Стал работать в Новосибирске и заведовал лабораторией до 1976 года. Но академик А. Жуков решил вернуться в Москву — директором Института леса должен был стать А. Исаев — и стал уговаривать меня возвратиться в качестве замдиректора. Ты, дескать, местный человек, тебя все знают, а интродукцией ты и там сможешь заниматься... А в 1982 году перед руководством Сибирского отделения встал вопрос о директоре Центрального Сибирского ботанического сада. И вот Валентин Афанасьевич Коптюг и Дмитрий Константинович Беляев меня уговаривают вернуться. Честно говоря, было неловко — то туда, то сюда. То лес, то сад... Хотя аргументы были серьезные: во-первых, сам ботанический сад прекрасно знаю, во-вторых, перспективы связаны именно с моими научными интересами... И вот я уже 15 лет сижу в этом кресле.

— **Игорь Юрьевич, а какая научная проблема была с вами всю жизнь?**

— Это скорее проблемы. Проблемы дендрологии как раздела ботаники, изучающего древесные растения. Более узко: меня всегда интересовала изменчивость растений на популяционном уровне. Эти исследования лежат в основе интродукции растений.

Я помню, в Красноярске на стационаре Института леса у вас росли карликовые лиственницы, вывезенные с Таймыра. Они совершенно не приживались в новой зоне... Несмотря на более длинное лето, деревца сохраняли ту же длительность вегетационного периода, что и на Таймыре.

Меня это так тогда поразило — есть все условия расти и цвести, а они хвою сбрасывают...

Вид растения — структура очень сложная. Он состоит из географических рас, экотипов и так далее. Нужно изучить весь спектр его изменчивости, не только внешние признаки, но и особенности роста и развития, возможность выращивания в тех или иных условиях... Только тогда можно ответить на вопрос, где и как можно использовать это растение в культуре. Здесь огромная и сложная проблема. Одним видом можно заниматься всю жизнь. Изменчивость на популяционном уровне и есть то направление, которое меня интересует.

Особенное внимание я уделял естественной гибридизации растений. В природе, как известно, встречаются разные виды, они между собой скрещиваются, образуют массу гибридных переходных форм, которые отличаются между собой. Если не понимать этот процесс, можно просто "наломать дров."

— **“Наломать дров” в лесу? Что вы имеете в виду?**

— Возьмем, например, различные виды березы. Они легко скрещиваются естественным путем и образуют многочисленные переходные гибридные формы. Не зная этого процесса, ботаники описывают эти разные популяции как разные виды, потому что отличия-то есть. В Сибири описано более сорока “липовых” видов, а по сути - гибридов. Нужно не только исследовать эту изменчивость, но и понимать, что является ее причиной. А одной из значимых причин и является гибридизация.

— **А что вам дает понимание этого процесса?**

Изменчивость лежит в основе процесса интродукции растений. Это фундамент интродукции. И когда речь идет о том, какое растение, какую его географическую расу или экотип взять для введения в культуру в той или иной зоне, нужно хорошо представлять его изменчивость.

— **Экотип? Что вы вкладываете в это понятие?**

— Это популяция или популяции видов, приспособленных к определенным условиям обитания. Допустим, лиственница. Она может расти в степи, в лесу, в тундре на мерзлой почве. Это же разные условия обитания. В разных условиях идут и эволюция, и естественный отбор. Например, лиственница Каяндра растет на полюсе холода — в Оймяконе, а также - на юге Дальнего Востока в муссонном климате. А вид - один. И не все равно, откуда ее брать для введения в культуру, и - смотря куда. Очень важно понимать причины изменчивости, ее механизмы.

— При интродукции в нашем ботаническом саду ставятся еще какие-то задачи? Предположим селекционные, коллекционные...

— Я участвовал в создании трех живых коллекций. Один дендрарий мы закладывали еще в Сибирском лесотехническом институте в Красноярске. Далее — по моей инициативе мы стали создавать дендрарий возле Института леса и древесины в КНЦ, и эта работа продолжается. Ну, и, конечно, здесь я тоже сразу начал создавать дендрарий, принимая участие в его строительстве с лопатой в руках.

Дендрология вообще-то очень мало разработанная наука. Для сравнения: культурой пшеницы люди занимаются еще чуть ли не с палеолита, много тысяч лет. Сегодня работают тысячи институтов и опытных станций по всему миру, но если я задам вопрос агроному, все ли проблемы с этой культуры сняты, то получу ответ конечно, нет. Мы, дендрологи, имеем дело с тысячами видов, которые никто никогда не изучал, и среди них есть такие, которые впервые были описаны недавно. Представляете, сколько там проблем - в области физиологии, экологии, систематики, методов выращивания, семеноводства и т. д.

— Но ботаническому саду всю эту массу проблем не осилить...

— Во всех странах есть специальные научные организации, целые институты по древесным растениям — именно Дендрарии, Арбаретрумы. Они есть в США, Индии, Польше, Чехии и так далее. У нас они, как правило, при ботанических садах или институтах. Например, в Барнауле — при Институте им. Лисавенко.

— В нашем ботаническом саду занимаются очень многими культурами: декоративными растениями, лекарственными, кормовыми, пищевыми и так далее. В чем отличие подхода в сравнении, скажем, с институтами Академии сельхознаук?

— Прежде чем заняться созданием сортов, агротехникой их возделывания, первоначальные растения где-то же нужно взять, не так ли? Их ведь создают на основе дикорастущих видов. Прежде чем селекционер начнет создавать сорт, ему надо на тарелочке с голубой каемочкой преподнести дикорастущий вид. Вот тут и нужен специалист-ботаник, который опишет признаки, свойства. Если исчезнут ботанические сады, эта цепочка разорвется. Очень важно иметь научные представления, что именно и где вводить в культуру, для каких целей. Без этого у сельскохозяйственников не будет нужной базы, основы, на которой можно работать.

— Игорь Юрьевич, для меня было полной неожиданностью, что директор ботанического сада стал редактором Сибирского экологического журнала. Казалось, скорее бы следовало ожидать этого от специалистов Института водных и экологических проблем или Института систематики и экологии животных...

— Вы затронули очень болезненное, очень уязвимое место. Сейчас все - экологи. Хотя большинство из них совершенно не понимает, что такое экология. Дело дошло до того, что я читаю в газетах об экологии семейных отношений...

— **Здесь я с вами совершенно солидарна. Там речь должна идти о совсем других аспектах.**

— Экология — это наука. Посмотрите на слово. Эко — местопребывание. Логос — это слово, учение. Когда я слышу слово экология, употребляемое в сочетании "плохая экология", и под этим понимаются неблагоприятные условия среды вследствие загрязнения воды, воздуха, почв и так далее, то мне ясно, что эти "экологи" имеют весьма смутное представление об экологии и пугают такие понятия, как экология и охрана окружающей среды.

— **Но многие так и считают: экология — это охрана природы.**

— Нет, нет и нет. Экология описывает и изучает взаимоотношения живых организмов и среды. И относительно выхлопных газов экология должна изучать не то, как они образуются и как их нейтрализовать, а то, как эти газы влияют на нас с вами, на растения и животных. Это экологическая проблема. Помню, несколько лет назад обсуждался вопрос о сартланской болезни рыб. Рыбы становились ядовитыми и при употреблении их в пищу люди умирали. Задача экологии не в том, чтобы найти формулу этого яда, чем занимаются химики, а в том, чтобы понять сам механизм - почему так произошло.

Конечно, это невежество можно было бы и перетерпеть, если бы оно не наносило такой большой вред. Экологию сегодня считают одной из приоритетных проблем - понятно, почему? И вот — выделяется на решение проблем экологии, скажем, сто миллиардов рублей. Вроде как огромные средства. Но стоит только посмотреть, на что они ушли, как выясняется, что сколько-то израсходовано на так называемую промышленную экологию, на усовершенствование сжигания углей в топках. Это не экология, а технология. Или: получение такого способа производства химических веществ, при котором снижается выброс вредных веществ в атмосферу тоже технология. Все это важно и нужно для человечества, но все это совсем другое. Вокруг нас — тысячи технологических процессов, нуждающихся в усовершенствовании. Может ли академия наук решить их за свой счет? Нет, конечно. Это несерьезно. Каждая отрасль должна свои технологические проблемы решать сама. Я столько раз выступал на эти темы, в том числе, и на Общем годичном собрании Академии.

Термин "экология" был введен еще в середине прошлого века, тогда в это понятие и был вложен определенный смысл. А через сто лет — в 1956 году состоялось совещание, специально посвященное терминологии, и тогда выделили экологию растений, экологию животных, как самостоятельные направления.

— **Теперь понятно, почему вы взялись за журнал. Экологам не хватало трибуны.**

— В первом номере мы написали, что наше издание посвящено классической экологии, то есть, настоящим проблемам экологии.

— **Сибирский экологический журнал** выходит уже около трех лет. Вам удалось отследить потребность общества в таком журнале, его значимость?

— Он стал пользоваться большим спросом. Портфель у нас сформирован уже на два-три года вперед. Есть очень неплохие отзывы - в Германии, в США. Но понимаете, у нас какая-то несовершенная система рекламы, продажи. Редколлегии сложно этим заниматься, это не наша проблема.

— **А для Интернета вы не делаете версию?**

— Ботанический сад отделен расстоянием, кабеля нет... А на деле та: я выступаю недавно в Главном ботаническом саду в Москве, на собрании, показываю журнал, который уже два года выходит, — всем интересно, но почти никто о нем не слышал...

Сегодня, оказывается, даже технари понимают, что для ботаников обмен информацией, создание баз данных в Интернете чуть ли не важнее, чем для них самих. Представьте многочисленные листы коллекций-гербариев, которые хранятся в других городах и странах. Раньше туда нужно было бы ехать на месяц-полтора, чтобы посмотреть, разобраться, собрать данные по географии растений. Теперь это можно сделать, не выходя из-за своего стола.

— **Информационные технологии всем пригождаются. Помню, в прошлом году я была у вас на конференции, слушала доклад на эту тему и обратила внимание, какое оживление он вызвал.**

— Сейчас мы занимаемся созданием своих специальных программ. Академик Ю. Шокин нам здорово помогает.

— **Сегодня все ищут способы выживания за счет реализации каких-то практически значимых результатов. У вас тоже что-то предпринимается. Я имею ввиду наличие Экспериментального хозяйства...**

— Это не решит проблемы. Все почему-то считают, что Экспериментальное хозяйство сегодня должно быть рентабельным. Но оно даже теоретически не может быть таким. Если в технических институтах базой являются приборы, оборудование, реактивы, то в ботаническом саду - это земля. Лопатой сто гектаров не перекопаешь. Раньше эту услугу нам оказывало Экспериментальное хозяйство, у нас была специальная строчка в смете, и мы оплачивали нужные работы. Сегодня этой строчки у нас нет...

— **А “Курильский чай” приносит деньги? Хотя бы на зарплату сотрудникам?**

— Нет, конечно, только на отдельные мелкие накладные расходы хватает. Например, чтобы провести более-менее нормальный ремонт, нам надо 4 миллиона деноминированных рублей.

— **Но ведь у вас столько интересных работ, результаты которых годятся для самой разной промышленности. Помню, на Сибирской ярмарке**

поляки восхищались вашими отдушками-экстрактами из полыни. Запах напоминал настоящие французские духи...

— В свое время, когда началась экономическая перестройка, я пытался что-то предпринять. Были предварительные договоренности о производстве своей парфюмерии. Я даже договорился о передаче нам французского оборудования. Но в Президиуме СО РАН мне тогда "погрозили пальчиком"... А теперь что - поезд ушел. Рынок переполнен прекрасной парфюмерией из Франции, Испании, Италии, потребитель ориентирован. Мы уже не будем конкурентоспособны. Если бы сразу шли в ногу с рынком, то еще могли бы что-то сделать. Посмотрите на ВИНАП, они сразу попали в тиски конкуренции, поэтому и сумели перестроиться - новые рецептуры, новые сорта, товарный вид. Понадобилось всего семь лет.

— Игорь Юрьевич, вы - человек, у которого за плечами много лет жизни и работы. Но вы так энергичны, просто вулкан какой-то. Что вам дает силы?

— Думаю, что человеку важно не терять интерес к делу, к жизни вообще. Всегда можно найти себя. Знаете, есть люди, которые никак не могут закончить начатое... А мне, наоборот, хочется всегда скорее закончить, чтобы делать что-то другое. Столько интересных задумок приходит в голову. Готовлю книгу-сводку "Древесные растения азиатской России в природе и культуре." Тысячи рисунков. 980 страниц только одного текстового набора. Гигантская работа. Об учебнике думаю - десять лет я читал курс дендрологии, где много внимания уделялось именно сибирским проблемам. Существующие учебники больше ориентированы на Украину, Кавказ, Среднюю Азию. Это было естественно для своего времени, но сейчас нужно думать об учебнике для России... Передо мной сегодня просто масса всяческих задач.

— Игорь Юрьевич, а у вас есть преемник на пост администратора? Сейчас в 70 лет директора становятся советниками...

— Конечно, есть, но об этом я сейчас не хочу говорить. Пусть вопрос решается нормальным, как и положено, путем. Я считаю, что нужно думать не только о формировании административной команды, куда входили бы и очень молодые люди — пусть бы был хоть один администратор-стажер... И где бы обязательно использовался опыт зрелых людей.

Мне-то легче уйти и писать книжки, но я понимаю, что так не получится. Я не могу просто взять и оставить все на произвол судьбы.

— От души желаю вам хорошего преемника - энергичного, молодого, достойного такого замечательного института, как Центральный Сибирский ботанический сад.

Интервью подготовила Ольга Ушакова, "НВС".

Источник: Ушакова О. Академик Игорь Коропачинский: «Дело моей жизни – дендрология» // [Наука в Сибири](#). – 1998. – N 9-10. – С. 6.